

УДК 338.92
ББК 65.9(2Р)-2
И 585

Р е ц е н з е н т ы:
доктор экономических наук Г.М. Мкртчян,
кандидат экономических наук М.А. Ягольницер.

И 585 **Инвестиционный процесс и структурная трансформация российской экономики** /А.В. Алексеев, А.О. Баранов, Н.П. Дементьев и др. / под ред. д.э.н. А.В. Алексеева, к.и.н. Л.К. Казанцевой. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2020. – 402 с.

ISBN 978-5-89665-348-6

В монографии рассматривается долгосрочная динамика выпуска промышленной продукции в РФ и финансовый потенциал источников инвестиций; приведены данные прямых иностранных инвестиций; анализируется влияние антироссийских санкций на инвестиционную программу РФ; уделено внимание «зеленым» инвестициям в экономику России; приведен международный опыт инвестиционной активности на рынке интеллектуальной собственности; представлены результаты апробации методики оценки экономической эффективности инновационных проектов; показано, что основной капитал российской экономики оценен в разных и несопоставимых ценах, что искажает многие показатели; международными сопоставлениями подтверждается необходимость реализации мобилизационного сценария для России, предусматривающего резкое увеличение нормы накопления и величины капвложений в основные производственные фонды; показаны сильные и слабые стороны государственно-частного партнерства, изучены его возможности и потенциал использования.

Монография представляет интерес для научных работников, занимающихся анализом и моделированием экономических процессов, а также для преподавателей, аспирантов и студентов экономических вузов.

ISBN 978-5-89665-348-6

УДК 338.92
ББК 65.9(2Р)-2

Монография подготовлена в рамках выполнения плана НИР ИЭОПП СО РАН по проекту XI.170.1.1. (0325-2017-0007) Инновационные и экологические аспекты структурной трансформации российской экономики в условиях новой геополитической реальности № АААА-А17-117022250127-8.

© ИЭОПП СО РАН, 2020 г.

© Коллектив авторов, 2020 г.

Полная электронная копия издания расположена по адресу:

<http://lib.ieie.su/docs/2018/http://lib.ieie.nsc.ru/docs/2020/>

[Investicionniy_process_i_structurnaya_transformaciya/](#)

[Investicionniy_process_i_structurnaya_transformaciya_ros_econ.pdf](#)

ГЛАВА 2. ФИНАНСОВЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ АКТИВИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ

Выше отмечалось, что экономический рост ближайших лет – заложник уже принятых инвестиционных решений, но более отдалённая перспектива определяется тем, сумеем ли мы нарастить инвестиции сегодня. Разберёмся с ценой вопроса. По данным Росстата, инвестиции в основной капитал в 2018 г. составили 17,6 трлн руб. или 16,9% ВВП РФ. Это один из самых низких результатов за последние 15 лет, в 2008 г., например, он равнялся 21,3%. Подчеркнем, мы говорим именно о доле инвестиций в ОК в ВВП, а не о доле валового накопления ОК в ВВП. Последняя величина заметно выше (21,4% в 2018 г.) и разрыв растёт. Отличия в абсолютных значениях рассматриваемых показателей связаны с различиями в методологии их счета. Так, согласно методологическим комментариям Росстата, «Затраты, связанные с производством, приобретением товаров длительного пользования военного назначения в инвестициях в основной капитал, в отличие от валового накопления основного капитала, не учитываются, данный показатель включает только военные расходы на те виды основных фондов, которые могут использоваться также для целей гражданского назначения» [Федеральная, 2019]. В настоящем исследовании мы ограничиваемся гражданской сферой, поэтому будем использовать показатель доля инвестиций в ОК в ВВП.

Слабые инвестиционные результаты 2018 г. «провоцируют» предложение вернуться хотя бы к уровню инвестиционной активности, предшествующему активной фазе кризиса 2008–2009 гг. – 21,3%. В реалиях 2018 г. это означает увеличение инвестиционной программы с 17,6 трлн руб. (16,9% ВВП) до 22,1 трлн руб. (21,3% ВВП), т.е. на 4,5 трлн руб.

Предложение нарастить долю инвестиций в ВВП, конечно, настолько же неоригинально, насколько непопулярно – увеличение доли накопления при стагнирующем ВВП автоматически означает снижение потребления. Искомые 4,5 трлн руб. (128 млрд долл. по расчетному курсу ППС для инвестиций в ОК 2018 г.) – значительная сумма. Где ее взять?

2.1. Мобилизация резервов

Известный, но остающийся в тени факт – Россия на протяжении многих лет является нетто-кредитором мировой экономики. Чистая международная инвестиционная позиция (ЧМИП) нашей страны на начало 2019 г. составляла 370,9 млрд долл. [ЦБ РФ, 2018]. При этом вся инвестиционная программа РФ в 2018 г. равнялась примерно 500 млрд долл. (по ППС для инвестиций в ОК). Иными словами, если признать, что России вместо того, чтобы кредитовать остальной мир, следует сосредоточиться на развитии собственной экономики (привести чистую инвестиционную позицию к нулю), то уже имеющихся ресурсов достаточно, чтобы обеспечить искомое (на 4,5 трлн руб. или 128 млрд долл.) увеличение инвестиционной программы на три года вперед ($370,9/128=2,9$). ЧМИП – динамически меняющаяся величина: за 2018 г. она выросла почти на 100 млрд долл., за 2017 г. на 61,5 млрд долл., т.е. если рассматривать ЧМИП как финансовый источник инвестиций, то говорить о его полном исчерпании в течение трех лет оснований нет.

Нет никаких принципиальных ограничений и для использования этих средств. Так, в структуре активов, учитываемых при исчислении международной инвестиционной позиции РФ, наличная валюта и депозиты и ценные бумаги (в основном правительств ведущих стран Евросоюза и США) почти в точности равны величине ЧМИП и составляют 371 млрд долл. Это как раз те активы, которые в условиях нарастающего санкционного давления могут быть заблокированы в любой момент. Строго говоря, немногим более защищена и значительная часть других российских активов за рубежом (969 млрд долл. без упомянутых статей).

Таким образом, утверждать, что средств для восстановления инвестиционного процесса в настоящее время нет, некорректно. Причем речь идет только об одном, даже не рыночном финансовом источнике, который государство формирует, руководствуясь крайне странным теоретическим «обоснованием» – лучше иметь деньги на черный день, чем сделать хоть что-нибудь, чтобы этот день не наступил. Более того, даже активные сторонники формирования таких резервов не готовы признать, что если «черный день» все же настанет, то за помощью следует обращаться к США и Западной Европе, а не к собственной экономике.

2.2. Смягчать или ужесточать денежную политику?

Дискуссия о характере монетарной политики Банка России длится не первый год. За это время сформировались два основных идейных лагеря: сторонники смягчения монетарной политики ЦБ РФ и сторонники проведения достаточно жесткой денежной политики. Первую точку зрения в большей степени разделяют представители академического и бизнес сообщества, вторую – банковского (в первую очередь представители ЦБ РФ).

Казалось бы, за годы активного обсуждения проблемы можно выработать систему приемлемых для обеих сторон аргументов, подтверждающих, хотя бы в определенных границах, справедливость того или иного подхода. Однако продолжающаяся дискуссия [Кудрин, 2017] показывает, что ни о каком приближении к консенсусу не может быть и речи. Почему?

Стороны не признают аргументы друг друга, если аргументация строится на различной аксиоматике (которая в известной степени является предметом веры) и/или за их позициями стоят существенно различные интересы. Настоящая дискуссия не исключение. Действительно, представители банковского сообщества в своей деятельности руководствуются статьей 3 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», которая гласит: «целями деятельности Банка России являются: защита и обеспечение устойчивости рубля; развитие и укрепление банковской системы Российской Федерации; обеспечение стабильности и развитие национальной платежной системы; развитие финансового рынка Российской Федерации; обеспечение стабильности финансового рынка Российской Федерации» [ЦБ РФ, 2019]. Отметим, что в зону ответственности ЦБ напрямую не попадают ни структурные реформы, ни инновационное преобразование экономики, ни даже просто обеспечение экономического роста. Ожидать, что ЦБ легко согласится с потенциальными угрозами в той области, за что он не отвечает, было бы странным. Он и не соглашается.

Руководство ЦБ, по сути, придерживается следующего подхода: «мы обеспечиваем необходимое условие экономического роста – финансовую стабильность (в первую очередь низкую инфляцию). Если финансовой стабильности недостаточно для достижения экономического роста, это проблема других институтов развития». Но финансовая стабильность достижима и при экономическом росте, и при деградации экономики.

Здесь позиции российского и американского законодателя заметно расходятся. Если Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» обязывает ЦБ РФ сосредоточиться на поддержании стабильности и надежности национальной финансовой системы, то задачи ФРС США существенно шире. Первой (из пяти) задач, стоящих перед ФРС США, является «проведение национальной монетарной политики, обеспечивающей максимальную занятость, стабильные цены, умеренные долгосрочные процентные ставки в экономике США». В последующем американский законодатель вновь выходит за рамки чисто финансовых задач, подчеркивая, что ФРС обязано «обеспечить защиту потребителя и общественное развитие через потребителе-ориентированное регулирование; исследование и анализ возникающих проблем у потребителей и новых трендов; социально-экономическое развитие; администрирование законодательства по защите прав потребителя и иных регуляторных процедур» [The Federal, 2016].

Позиция академического и бизнес сообщества в вопросах финансового регулирования ближе к позиции ФРС США. Надо признать, что критика финансовой политики ЦБ РФ с позиций, что Банк России ведет себя недостаточно «по-американски» несколько нетипична для российского дискурса. Тем не менее, финансовая сфера все чаще рассматривается лишь как элемент, хотя и важный, единой системы факторов экономического развития в целом и экономического роста, в частности.

Вообще вопрос о финансовой стабильности – одно из проявлений более общей проблемы формирования стимулов развития экономики. Стимулы бывают рыночными и нерыночными. *Нерыночные* – ставится задача создать (увеличить) производство какого-либо продукта. В случае невыполнения задачи виновные наказываются. Продукт распределяется по некоторым приемлемым для данного общества принципам.

Рыночные – под имеющийся спрос создается (расширяется) производство. Спрос возникает либо в результате внедрения достижений технического прогресса (появления нового продукта или новой технологии, снижающей себестоимость продукта), либо институциональных изменений, позволяющих задействовать для производства товаров и услуг те ресурсы, которые в рамках предыдущей институциональной модели не использовались.

Проблема возникает, если национальная инновационная система в значимых масштабах не генерирует ни новых продуктов, ни технологий, а прогресс в институтах не настолько значим, чтобы задействовать неиспользуемые ресурсы. Именно такая ситуация наблюдается в РФ на протяжении длительно времени.

Действительно, говорить о внедрении сколько-нибудь значимых достижений технического прогресса – важнейшего фактора экономического роста – в российской экономике не приходится [Алексеев, 2015, ИЭОПП СО РАН]. Не многим лучше и ситуация с институтами. По данным авторитетного доклада «Индекс глобальной конкурентоспособности» качество российских институтов в 2004–2005 гг. оценивалось в 3.54 балла (89 место в мире, данные по 104 странам) [The Global, 2004–2005], в 2017–2018 гг. – 3,7 балла (83 место из 137 стран) [The Global, 2017–2018]. То есть при «плохих» институтах темпы прироста ВВП в 2005 г. составляли 6%, а при «улучшившихся» вошли в стадию рецессии. Приведенные данные не означают, что улучшение институциональной среды не является фактором ускорения роста ВВП, но явно свидетельствуют в пользу того, что стабильно плохая российская институциональная система не являлась таким фактором на протяжении последнего десятилетия. Судя по характеру и продолжительности дискуссии о необходимости совершенствования отечественных институтов, ожидать сколько-нибудь значимого прорыва здесь не стоит и в среднесрочной перспективе.

Наиболее острая полемика возникает при обсуждении очевидного в данной ситуации рецепта – смягчить денежные ограничения, т.е. создать спрос. Спрос стимулирует предложение, и вот он – экономический рост! У банковского сообщества на эту идею есть твердый, хотя и не особенно убедительно фундируемый ответ: «Попытка реализовать политику «количественного смягчения» в российских условиях, скорее всего, приведет к росту инфляции [Кудрин, 2017]. Отметим асимметричность ответа по отношению к вопросу. Вопрос про рост, а ответ про инфляцию. Следует отметить, что сторонники жесткой финансовой политики вообще последовательно избегают давно сформулированного выбора: «Что лучше – рост с инфляцией или инфляция без роста?» [Алексеев, 2015, ЭКО]. Слова «скорее всего» также вызывают некоторое недоумение. Казалось бы, за прошедшие годы можно было получить четкий ответ на вопрос, к чему ведет политика количественного смягчения. Не отрицая продуктивности данного

подхода в развитых странах, банковское сообщество считает, что для России такой рецепт не подходит.

Аргументация в пользу заявленной позиции, как минимум, нуждается в доработке. Так, утверждается, что увеличение эмиссии усилит понижающее давление на рубль, а слабеющий рубль приведет к росту рублевых цен на импортируемые товары. С учетом того, что рублевые цены отечественных товаропроизводителей в значительной степени ориентированы на цены их иностранных конкурентов, вырастут цены на товары и услуги и российских резидентов. Отсюда инфляция, что прямо противоречит уже упоминавшийся статьи 3 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

Но это аверс медали, а есть и реверс. Существует не так много инструментов более эффективного подавления обрабатывающих производств как сильная национальная валюта. Не случайно проблема *голландской болезни* так широко представлена в литературе. Слабый рубль – это шанс (хотя и не гарантия) восстановления и развития отечественных обрабатывающих производств. Да, через повышение цен. Но рост цен здесь – это цена отказа от продукции более эффективного мирового товаропроизводителя в пользу менее эффективного отечественного.

С позиции краткосрочного временного горизонта представленный подход настолько странен, что мало кто даже готов всерьез его обсуждать. Сознательно проводить политику, ведущую к снижению уровня жизни граждан страны – как вообще так можно ставить вопрос? Проблема в том, что это не проблема желания или нежелания, а жесткой необходимости. Нет сомнения, что слабый рубль – кошмар для потребителя, но в тоже время это и свет в конце тоннеля для производителя. Поскольку работающие граждане в первую очередь являются производителями и лишь в силу этого потребителями, то интересы первых заведомо выше вторых. Нельзя создать эффективного национального производителя в рамках «честной конкурентной борьбы» с более сильным иностранным. Последний просто уничтожит первого. Тогда вопрос о стандарте потребления для тех, кто ничего не производит, вообще приобретает вырожденный характер. В данном контексте борьба с инфляцией превращается в борьбу с национальным производителем. А за такую кампанию едва ли проголосует даже самый твердый сторонник жестких финансовых ограничений.

Вообще догматически трактуемая задача борьбы с инфляцией девальвирует саму идею взвешенной финансовой политики. Так, высокая ставка кредитования помимо того, что она сама по себе является важным инструментом по борьбе с инфляцией, рассматривается как фильтр, препятствующий реализации неэффективных проектов. Но ориентация на текущие показатели рентабельности при решении стратегических задач создания новых отраслей или реализации инфраструктурных проектов – это безумие, провоцирующее на то, чтобы с водой (оперативное регулирование кредитно-денежной сферы) выплеснуть и ребенка (долгосрочные интересы развития национальной экономики).

Даже если субсидирование процентной ставки для таких проектов переложить на госбюджет (что и предлагают финансисты, правда, избегая уточнять, откуда на это в бюджете возьмутся средства в условиях стагнирующей экономики) сам принцип отсеечения неэффективных проектов за счет высокой кредитной ставки лукав. Отсекаются ведь не просто убыточные проекты, но и те, которые создают недостаточно стоимости по критерию соответствия ставке. А это огромный пласт проектов, которые могли бы быть реализованы и обеспечить рост экономики, но оказались «запрещены» высокой ставкой. И это записывается в актив твердой финансовой политики?

В своей крайней постановке главный посыл жесткой финансовой политики – отсутствие производственной системы лучше, чем наличие неэффективной производственной системы. Это некорректное противопоставление. Эффективность системы понятие относительное, а ее наличие – абсолютное. Наконец, эффективная система не возникает из ничего. Она создается из неэффективной.

Жесткая финансовая политика, возможно, хороша для поддержания эффективности хорошо работающей производственной системы (хотя как раз развитые страны уже не первое десятилетие проявляют наибольшую гибкость в обращении со своими финансами). Так, для укрепления сердечной мышцы, наверное, полезна километровая пробежка. Но вряд ли это лучший рецепт для человека, недавно перенесшего инфаркт. Российская экономика до такой политики просто не доросла.

Ресурсные ограничения. Еще один «сильный» аргумент против смягчения финансовых ограничений: российская экономика находится в условиях жестких ресурсных ограничений,

поэтому увеличение массы денег в обращении приведет к росту цен, но не предложения. Для закрытой экономики монополистического типа – это, безусловно, справедливо. Но российская экономика – открытая экономика, хотя и с заметной монополистической составляющей. Стремлению отечественного производителя увеличить цену на свою продукцию противостоит возможность потребителя переключиться на потребление иностранной продукции (при стабильном курсе национальной валюты).

Иное дело зона ответственности естественных монополий. Почувствовав увеличение платежеспособного спроса, монополия сосредоточит свои усилия на обосновании необходимости повышения цен на свои услуги. Ограничением здесь выступает политика центральных и местных властей, стремящихся держать под контролем уровень социального напряжения, неизбежно возрастающий при росте тарифов, значимых для населения (т.е. неэкономический фактор). При этом свой вклад, возможно решающий, в увеличении инфляции связанной с увеличением денежного предложения, естественные монополии вносят. Величина этого вклада будет обратно пропорциональна готовности государства противостоять, как говорили раньше, «монополистическому сговору».

Сложнее ситуация с услугами. Значительная их часть не торгуема (не может быть завезена из-за границы). Увеличение платежеспособного спроса, с одной стороны, способствует росту их предложения, с другой, в отсутствие иностранного конкурента, существенно менее ограничено в части повышения цены. Рост предложения в услугах определяется в первую очередь кадровыми ограничениями. Даже если физического ограничения в привлечении рабочей силы нет, требуется определенное время, чтобы потребность во вновь появившихся рабочих местах была закрыта людьми, имеющими соответствующую квалификацию. Чем сложнее услуга, тем большее время требуется на подготовку дополнительных кадров. С учетом этого временного лага рост цен в услугах при увеличении денежной массы неизбежен.

Увеличение доходов в услугах (в том числе за счет повышения цен) задает повышательный тренд в доходах работников всех отраслей. Это негативно сказывается на себестоимости производимой продукции и, в лучшем случае, создает стимул для повышения производительности труда в других отраслях, в худшем, снижению конкурентоспособности отечественной продукции и переориента-

ции потребителя на зарубежную. Собственно, это и есть один из симптомов голландской *болезни* – растущий уровень доходов в услугах задает соответствующий уровень зарплатных ожиданий в сфере материального производства. При стабильном, а, тем более, крепнущем курсе национальной валюты, рост расходов на труд повышает себестоимость продукции, что ведет к потере ее конкурентоспособности и, соответственно, исчезновению национального производителя в среднесрочной перспективе.

Ключевой момент здесь – курс национальной валюты. Если рубль остается слабым, возросший спрос со стороны работников сферы услуг стимулирует рост предложения со стороны национального производителя. А это и есть искомый экономический рост! Если рубль укрепляется, то спрос канализируется в сторону зарубежного товаропроизводителя, т.е. способствует чужому экономическому росту. Национальная экономика начинает пробуксовывать и, по мере ослабления обрабатывающих производств, впадать во все более глубокую депрессию.

Противники стимулирования экономического роста средствами кредитно-денежной политики отмечают высокий уровень загрузки производственных мощностей, что, с их точки зрения, в случае увеличения денежного предложения приведет к росту цен на выпускаемую продукцию, а не на прирост ее производства в натуральном выражении. Данные Росстата не подтверждают наличия здесь жестких ограничений. Так, в 2016 г. в добывающих отраслях мощности использовались примерно на 2/3 (67%), в обрабатывающих – еще меньше (64%). А если взять среднеарифметическую среднюю загрузку примерно по 400-м видам производственных мощностей, фиксируемых Росстатом, то обсуждаемое значение и вовсе составит лишь немногим более 50%. По отдельным позициям использование мощностей было существенно выше (в исключительных случаях до 100%), но по другим, соответственно, заметно ниже (не редки случаи использования мощностей на уровне 30%, 20% и ниже).

Таким образом, значительная часть мощностей простаивает из-за отсутствия спроса, что, очевидно, не улучшает финансовые показатели действующих производств. Наконец, оснований ожидать, что увеличение спроса, ставшего результатом ослабления бюджетных ограничений, активизирует ввод новых мощностей (инвестиций) не меньше, чем простого роста цен на выпус-

каемую продукцию. Увеличение же выпуска создает дополнительный спрос на деньги, что противодействует их инфляционному обесцениванию.

Не многим более убедительно и утверждение об ограниченности трудовых ресурсов. Действительно, в научном дискурсе проблемы создания новых рабочих мест, поддержания занятости, перспективы массового высвобождения работников в связи с внедрением новых технологий звучат заметно острее, чем проблема дефицита рабочих рук. Едва ли можно ожидать, что на данный момент эти ограничения слишком жестки.

Наконец, сторонники денежного зажатия подчеркивают: «В российской экономике на протяжении последних 17 лет – с 2000 г. по настоящее время – темпы прироста денежной базы следовали по нисходящему тренду. Это говорит о том, что денежные вливания со стороны ЦБ РФ постепенно становились все более умеренными» [Кудрин, 2017]. Сказав «А», логично было бы сказать и «Б» – когда темпы прироста денежной массы были высоки, высок был и темп роста ВВП, снизились темпы прироста денежной массы, прекратился и рост ВВП.

Апеллирование в пользу высоких темпов роста М2 как к фактору ускоренного роста ВВП с неизбежностью сталкивается с аргументом, что быстрое наращивание денежной массы – не более чем результат (причина?) высокой инфляции. В первой половине 2000-х годов темпы инфляции действительно были двухзначными, но это все же не означает, что сторонники жесткой финансовой политики готовы признать благотворное влияние инфляции на экономической рост.

Не вдаваясь в эту дискуссию по существу, отметим, если воспользоваться дефлятором ВВП и пересчитать годовые приросты М2 в постоянные цены, выясняется, что за увеличением денежной массы (в постоянных ценах) с лагом в один год следует увеличение и темпов роста ВВП. Более того, российская экономика демонстрирует весьма специфический эффект – для поддержания высоких темпов роста ВВП требуется впрыскивание в нее все больших объемов денежных средств. Стоило ЦБ РФ ужесточить денежную политику – и рост замедлился. Для ЦБ это стало сигналом о необходимости снизить эмиссию денежных средств в еще большей степени. Результат – экономика встала (рис. 2.1).

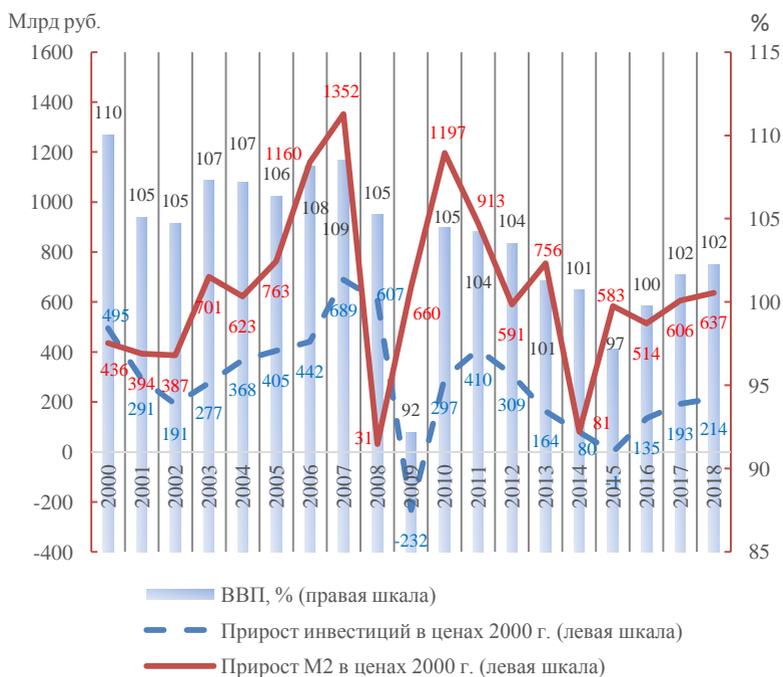

Рис. 2.1. Прирост M2 и инвестиций в ОК в ценах 2000 г. и рост ВВП

Последние годы ежегодный прирост денежной массы (в постоянных ценах) примерно соответствует уровню 2004 г. Это странно: за полтора десятилетия экономика выросла, снабжение же деньгами осталось на уровне, когда она еще «ходила в коротких штанишках». Сторонники жесткой финансовой политики, конечно, могут возразить, что при сопоставимых приростах M2 в первой половине 2000-х годов темпы роста ВВП составляли 5–9%, а в настоящее время балансируют в районе 0–2%, поэтому ослабление финансовых ограничений рост не ускорит, а финансовую сферу расстроит навernityа.

Аргумент не слишком убедительный. 623-х миллиардный прирост денежной массы в 2004 г. по отношению к совокупной денежной массе на начало 2004 г. в 1520 млрд руб. совсем не то же самое, что 637-и миллиардный прирост к 4645 млрд руб. на начало 2018 г. (все данные в ценах 2000 г.). Но, главное, экономи-

ка развивалась в условиях быстрого роста денежной массы (в 2007 г. она увеличилась еще на 1352 млрд руб.), а не его замедления, что наблюдается уже почти десять лет.

Мы бы не стали уделять такое внимание денежному предложению, если бы оно не было жестко связано с динамикой инвестиций (коэффициент корреляции 0,77, лаг один год). А без роста инвестиций, как неоднократно отмечалось выше, не может быть роста экономики. Снижение прироста денежной массы (в постоянных ценах) ведет к снижению прироста инвестиций. Закономерный результат сверхжесткой финансовой политики последних лет – в 2017 г. прирост инвестиций в ОК в абсолютном выражении примерно соответствовал уровню 2002 г., а в 2018 г. и вовсе был более чем втрое ниже рекордного прироста 2007 г. Мизерный прирост инвестиций означает – российская экономика фактически перешла в режим простого воспроизводства, что неприемлемо ни по социально-экономическим, ни по геополитическим, ни по оборонным соображениям. Выше отмечалось, что и качество этого простого воспроизводства постоянно ухудшается.

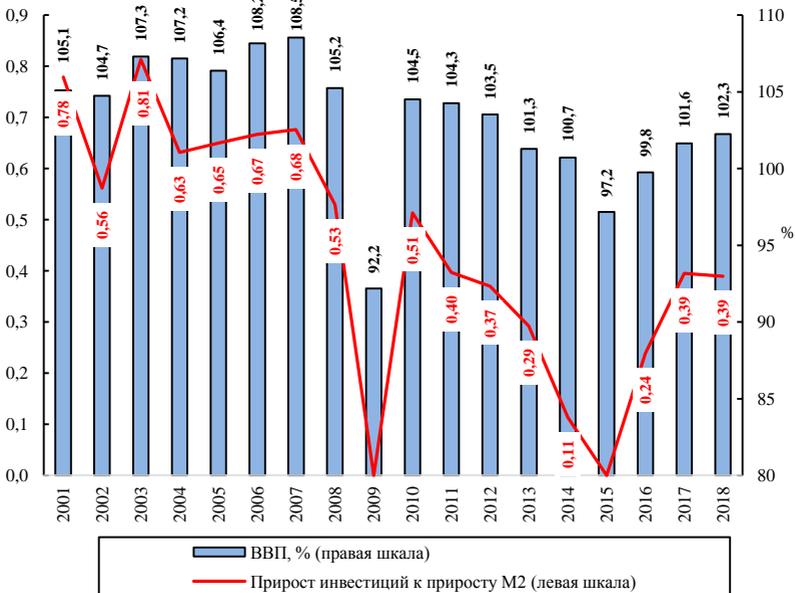

Рис. 2.2. Прирост инвестиций к приросту M2 (с учетом годового лага) и рост ВВП, %

Очередным аргументом против напрашивающегося решения – смягчить денежно-кредитную политику – могло бы послужить отношение прироста инвестиций к приросту денежной массы (с учетом годового лага). Действительно, в 2000-х годах от 60% до 80% прироста денежной массы направлялось на инвестиции, а в 2010-х годах уже не более 40% (рис. 2.2). Какой смысл ослаблять финансовую дисциплину, если получаемые экономикой деньги перестали идти в инвестиции?

Однако для обоснования целесообразности жесткой финансовой политики и этот аргумент не слишком убедителен. Еще раз подчеркнем, рассматриваемое соотношение улучшалось при ускорении прироста $M2$ и, соответственно, ухудшалось при ужесточении финансовых ограничений. Показательны 2017–2018 гг.: стоило денежной массе лишь немногим ускорить свой прирост, как пошла вверх (а не вниз, как ранее) и прирост инвестиций и доля инвестиций в приросте $M2$.

Можно спорить, насколько хорош рост денежной массы с точки зрения устойчивости денежной системы, но он определенно способствует росту экономики. Действительно, увеличение денежного предложения стимулирует спрос, а спрос, в свою очередь, инвестиции. Стоит стабилизировать спрос, стабилизируются (в лучшем случае на уровне простого воспроизводства) и инвестиции. В новейшей российской истории предложение денег катастрофически падало дважды: в 2008 г. и 2014 г. Соответственно на следующий год в отрицательную область уходил и прирост инвестиций. Неизбежное в этих условиях смягчение денежной политики (уже не для стимулирования роста, а для предотвращения экономической катастрофы) приводило к стабилизации экономики.

Приведенные данные не дают оснований утверждать «чем больше денег закачивается в экономику, тем лучше», но они однозначно свидетельствуют о том, что зажим денежного предложения ведет к ее деградации. Нет денег – нет роста. Сначала рост $M2$, потом рост инвестиций, потом рост экономики.

Сторонники жесткой финансовой политики предложили бы снять вопрос сколько-нибудь значимого роста денежного предложения, сосредоточиться на росте инвестиций и, соответственно, экономики. Возможно ли это? Отчасти, да. Выше рассматривался вариант прекращения кредитования мировой экономики Россией, накопления с не вполне ясными целями резервов и, соответственно, активизации инвестиционного процесса. Если же данный

подход не получает поддержки, то рост инвестиций возможен лишь в режиме мобилизационного управления экономикой, резкого усиления роли государства в принятии и реализации экономических решений. Такой вариант неизбежно приведет к усилению силовой составляющей в решении экономических вопросов, к социальными последствиям, по которым трудно ожидать достижения общественного консенсуса.

Несмотря на высказываемый оптимизм в пользу стратегии увеличения денежного предложения, все же видеть в ней панацею для российской экономики не стоит. Если стоит задача создать сильную экономику, для начала следует снять ограничения для ее роста – держать высокую ключевую ставку. Однако это необходимое, но явно недостаточное условие достижение поставленной цели. Создание конкурентоспособной инновационной экономики предполагает решение таких фундаментальных задач как создание адекватных институтов, развитой инфраструктуры, поддержание макроэкономической стабильности, наличие здорового населения и качественного образования, эффективного рынка труда и развитого финансового рынка, наконец, высокого уровня технологического развития [Алексеев, 2017]. Ослабление денежных тисков создаст предпосылки решения этих проблем. Долгосрочный подъем российской экономики будет определяться не краткосрочным эффектом стимулирования спроса, и, следовательно, предложения товаров и услуг за счет количественного смягчения, а способностью государства решить упомянутые задачи. Пока же у государства на это «нет денег». Их и надо предоставить.

2.3. Государственно-частное партнерство как политико-экономический институт выхода из стагнационной ловушки

На наш взгляд, слабая инвестиционная динамика на протяжении длительного времени – следствие особенностей интеграции российской экономики в мировую. Системное свойство современной глобальной экономики – последовательная интеграция в себя экономики отдельных стран, сопровождаемая уничтожением слабых национальных производителей [Рейнерт, 2017]. В конце XX века российское общество с энтузиазмом восприняло посыл *прогрессивной экономической мысли*, что лучшее, что можно предложить для реформируемой российской экономики – органи-

зовать игру «лиса в курятнике». Для созданного в условиях протекционистской защиты сильного зарубежного производителя под теоретическим флагом «пусть победит сильнейший» (предоставление *равных* возможностей для неравных конкурентов) и мощной политической поддержке со стороны своего государства был открыт российский рынок со слабым на тот момент национальным производителем. Финал для последнего очевиден.

К настоящему времени Россия обладает развитой добывающей промышленностью (на что ее и ориентирует глобальная экономика), гипертрофированной относительно своего реального производственного потенциала сферой услуг (не представляющей интереса для глобальной экономики) и слабым, фрагментированным обрабатывающим сектором.

Рассмотренные выше удручающие итоги преимущественно рыночного пути развития остро ставят вопрос о необходимости усиления государственного начала в регулировании экономики. Действительно, фундаментальная слабость рыночного механизма в условиях российской институциональной среды – малый горизонт планирования и, следовательно, ориентация на решение, по сути, тактических, но не стратегических задач развития. Его сила – в наличии встроенных механизмов контроля эффективности принимаемых инвестиционных решений. Иная ситуация с государственным регулированием экономики. Фундаментальная сила государственного подхода – возможность осуществления инвестиций с учетом долгосрочных стратегических интересов развития национальной экономики. Слабость, соответственно, в традиционно низкой эффективности реализации таких проектов.

Государственное начало в регулировании экономики проявляется в двух качественно различных формах: установлении правил, по которым действуют экономические агенты (функция институционального стража) и прямое принятие экономических решений о создании и использовании мощностей в сферах материального производства и услуг.

С обеими функциями российской государство справляется плохо. Качество российских институтов находится на 72 (из 140) месте в мире [The Global, 2018]; ни темпы роста, ни качество развития экономики, как показано выше, не могут удовлетворить акторов этой экономики.

Центральный вопрос современной экономической политики – выйти на баланс интересов бизнеса и общества в условиях пло-

хой и медленно меняющейся к лучшему институциональной системы, специфической российской элиты, сформировавшейся в условиях ускоренного встраивания российской экономики в мировую на правах сырьевого придатка и продолжающуюся ориентироваться на глобальную экономику, санкционного давления, поддерживающего сырьевую ориентацию российской экономики и ее постепенную деградацию и запроса российского общества на выход, наконец, из стагнационной ловушки.

Одной из реальных стратегий, позволяющей решить проблему изжившей себя модели воспроизводства российской экономики, активировать новые факторы развития, обеспечить транзит к новой модели роста, является развитие института государственно-частного партнерства (ГЧП).

Данная форма взаимодействия государства и бизнеса широко распространена в мировой практике, но для РФ она имеет особое значение. Она позволяет достичь приемлемого баланса интересов между политически сильным и экономически слабым государством и еще более слабым бизнесом и, главное, дает шанс старым элитам вписаться в новую реальность, а не блокировать переход экономики на новый формат развития, потому что это не соответствует ее интересам. Действительно, ГЧП позволяет российской элите, связанной с добычей природных ресурсов, не ослабляя присутствия в «родном» секторе, расширить свое влияние на инфраструктуру и сферу услуг и, в силу этого, на обрабатывающие производства. Такой трансфер экономических интересов задаст вектор изменения природы российских элит: с преимущественно сырьевой, ориентированной на встраивание в мировую экономику на правах сырьевого придатка, на производственную, решающей задачу создания относительно независимой экономики и, соответственно, самостоятельного центра политической и экономической силы.

Конечно, ГЧП лишь элемент решения проблемы апгрейда российской институциональной системы, не претендующий на ее полноценное преобразование в систему инвазийного типа. Тем не менее, именно в последние годы его востребованность объективно резко возросла. Действительно, в свете обозначившихся и быстро ужесточающихся внешних вызовов российское государство вынуждено принимать чрезвычайно ресурсоемкие стратегические решения по выстраиванию относительно независимой (по крайней мере по критическим технологиям) от глобальной

экономики национальной производственной системы. Без создания такой технологической системы, причем достаточно быстрого, само существование российской государственности оказывается под вопросом. Имеющиеся ресурсы для реализации этой задачи весьма ограничены, а сложившаяся институциональная система если и создает условия для их генерации, то в размере едва достаточном (если достаточном) для воспроизводства имеющейся системы, но никак ни для ее масштабного и скольконибудь быстрого преобразования.

Более того, действующая институциональная система ограничивает институты рынка очень жесткими рамками – оценкой эффективности инвестиций на небольшом временном горизонте. То есть сводит их к решению по сути тактических, а не стратегических задач. Государство же не может не ставить стратегические цели (хотя до начала санкционного давления оно достаточно «успешно» уклонялось от этой задачи). В рассматриваемом смысле институт ГЧП теоретически позволяет решать стратегические задачи национального развития, мобилизуя при этом и институты рынка, контролирующие эффективность решения этих задач.

Действительно, российский несырьевой бизнес уклоняется от инвестиций в серьезные проекты с длительными сроками окупаемости в основном по двум причинам. Во-первых, он не уверен в защите на относительно длительном временном горизонте государством ни своего права собственности, ни прав распоряжения собственностью. Угроза, причем реальная, лишиться собственности, а зачастую и личной свободы по обвинению в несоблюдении налогового, регламентирующего или иного законодательства – плохой стимул для инвестиций.

Во-вторых, иррациональное упорство, с которым либеральный блок российского правительства проводит настойчиво пропагандируемую коллективным западом политику «рынок лучше (чем государство) знает, что делать» ставит российского товаропроизводителя в крайне уязвимое положение. Бизнес, запуская крупный проект знает, что на поддержку государства рассчитывать не стоит (хорошо, если будущие атаки надзорных органов будут не слишком разрушительны). Знает он и то, что у его глобальных конкурентов поддержка своих государств как раз есть, причем не только в экономической, но и в политической форме. А это значит, что прогнозируемый спрос может в любой момент сместиться к конкуренту под железным для российской экономи-

ческой мысли аргументом: «почему российский потребитель должен страдать от неэффективного российского производителя, когда есть эффективный зарубежный?».

ГЧП не решает проблему институциональных угроз. Зато проблема гарантирования спроса ему по силам. Государство, иницилируя проект ГЧП, уже самим фактом запуска проекта задает долгосрочный спрос на продукт (услугу) проекта. Более того, по условиям контракта оно гарантирует денежный поток участнику ГЧП в случае, если будущие условия реализации продукта (услуги) проекта изменятся против ожиданий на момент согласования проекта. Гарантированный же спрос (или приемлемая для бизнеса компенсация его изменения) – мощнейший фактор запуска инвестиционного процесса.

Таким образом, ГЧП в современных российских условиях - реальный выход из ловушки, в которой российская экономика находится уже почти десять лет. Суть ловушки в том, что государство, опираясь, с одной стороны, на сомнительную теоретическую базу, а с другой, просто опасаясь оказаться рыночно несостоятельным агентом, уклоняется от принятия ресурсоемких стратегических решений по развитию национальной экономики. Рыночные агенты, в основном ориентированные на кратко- и среднесрочный горизонт принятия инвестиционных решений в неблагоприятных условиях российской институциональной среды, также не склонны решать стратегические задачи национального развития.

ГЧП в рамках этих реалий позволяет сбалансировать потенциал и интересы как государства, так и бизнеса. Так, государство ответственно за долгосрочные цели национального развития. Однако сегодня оно не имеет ни достаточных компетенций, ни ресурсов для их достижения. Бизнес же располагает как ресурсами, так и компетенциями по их эффективному использованию, но у него отсутствует мотивация к принятию серьезных инвестиционных решений. Гарантированный со стороны государства будущий спрос и относительно эффективное использование имеющихся ресурсов бизнесом – хорошая основа для запуска масштабных национальных инвестиционных программ.

Наличие теоретической возможности решения проблемы не означает автоматическое решение ее на практике. Так, в настоящее время российская институциональная система, отвергая ГЧП в принципе, успешно трансформирует (если не сказать

деформирует) его для своих целей – поддержания и усиления влияния сложившихся элит, но не преобразования на новой инновационной основе производственного базиса страны. Неслучайно институт ГЧП используется в основном при реализации инфраструктурных проектов. Инфраструктурные проекты – это транспорт и энергетика (47% и 36% всех инвестиций, соответственно), а также водоснабжение и водоотведение (3%). Лишь 14% затрат здесь приходится на информационно-коммуникационную сферу. Данные отрасли, безусловно, критически важны для экономики, однако их развитие является необходимым, но еще не достаточным условием для инициирования дрейфа экономики в сторону ускоренного развития обрабатывающих производств.

Второй признак того, что ГЧП пока не стало серьезным драйвером инновационного развития, – масштаб проектов. Среди российских инвесторов распространено мнение, что если бюджет потенциально ГЧП проекта меньше одного миллиарда рублей, то с ним не стоит и связываться. Масштабы транзакционных издержек и организационных усилий здесь таковы, что при меньшем бюджете они просто не окупаются. Это означает, что места в проектах ГЧП нет не только малому, но и среднему бизнесу. А ведь именно этот бизнес генерирует массовые инновации.

Эту ситуацию надо менять. Фундаментальная проблема – сопротивление переменам российских элит, ориентированных на извлечение ренты из реализуемых на мировом рынке сырьевых ресурсов. К счастью для российского общества, уже мировые элиты пытаются донести до своих российских визави, причем с каждым месяцем все жестче, что они сделают все от них зависящее, чтобы ранее неплохо работающая российская экономическая модель прекратила свое существование. Внешнее давление дает понимание, что стратегия «а может само как-нибудь рассосется» не срабатывает и, соответственно, рождает надежду, что в условиях навязанного извне и поддерживаемого внутренним социальным запросом выбора «экономическая смерть или перемены», по крайней мере, часть элиты выберет перемены.

ГЧП – прекрасная возможность для сырьевой элиты диверсифицировать свои активы. На первый взгляд может показаться, что не самый простой в реализации формат ГЧП здесь излишен: никаких ограничений в приобретении активов в других секторах экономики нет. Но родовая травма сырьевых элит – неумение работать в жесткой конкурентной среде с неожиданно появляющи-

мися и столь же быстро исчезающими рыночными нишами, так и оставляет эту возможность теоретической. ГЧП же через гарантию спроса, предоставляемую государством, в значительной степени снимает эту рыночную неопределенность и открывает возможность для сырьевой элиты, по крайней мере части ее, чувствовать себя относительно комфортно в новых для нее секторах экономики.

Этот процесс уже достаточно активно идет в инфраструктурных отраслях экономики – проекты здесь менее подвержены рыночной неопределенности. Но в свете стоящих перед страной вызовов этого недостаточно. Требуется резкая активизация инвестиционного процесса в обрабатывающих секторах, где провалы рынка с российской спецификой особенно наглядны.

ГЧП – хороший инструмент для решения данной задачи. В общем случае здесь даже нет необходимости в мобилизации сколько-нибудь крупных государственных (бюджетных) средств для достижения значимых для экономики целей. Правда, требуется воля, чтобы поставить национальные интересы выше интересов глобальной экономики, обслуживаемые современной западной экономической мыслью. Так, решение президентской комиссии по ТЭК от 27 августа 2018 г. о выделении из бюджета до 3 млрд руб. для ПАО «Силловые машины» на разработку газовых турбин большой мощности (всего по оценке компании требуется 15 млрд. руб., которые предполагается мобилизовать в том числе на свободном рынке), возможно, не соответствует принципу свободной конкуренции и неолиберальной норме «пусть в конкурентной борьбе побеждает сильнейший» (компания просит у Минэнерго гарантий закупки генкомпаниями РФ 48 газовых турбин «Силмаша» в рамках модернизации ТЭС). Но оно соответствует национальным интересам, состоящим в том, что установка произведенного в России оборудования производится по решениям, принимаемым в России, а не руководством концерна Siemens после консультаций с организаторами антироссийских санкций.

В общем случае государственные гарантии спроса на продукцию обрабатывающих отраслей могут (и будут) входить в противоречие в том числе с нормами ВТО. Именно в силу этого обстоятельства, очевидно, ГЧП скорее исключение, чем правило в обрабатывающих секторах российской экономики. Рассмотренный пример показывает, что проблема решается и все, что требуется – даже не деньги, а воля, выраженная государством в обяза-

тельствах перед бизнесом. Нарастающее санкционное давление – прекрасная возможность эту волю продемонстрировать. Российские антисанкции по поддержке отечественного сельского хозяйства – убедительный пример принципиальной возможности проведения обсуждаемого курса и, нельзя не признать, его высокой эффективности.

Таким образом, развитие ГЧП в принципе и целенаправленные усилия по его активизации в обрабатывающем секторе в особенности, предоставляет относительно безболезненный выход из системно-институциональной ловушки, в которой оказалось российское общество. Формат ГЧП позволяет наиболее активным представителям сырьевой элиты начать процесс диверсификации своих активов в пользу обрабатывающих отраслей в комфортных для себя институциональных условиях – гарантированном спросе на продукцию новых капиталоемких проектов и определенной государственной защите от сильных иностранных конкурентов. Движение в этом направлении снизит сопротивление сложившихся элит объективной потребности системного преобразования российской экономики, даст мощный импульс технологическому развитию на инновационной основе.

Строго говоря, «исчерпание возможностей экономического роста России, основанного на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов, на фоне формирования цифровой экономики и появления ограниченной группы стран-лидеров, обладающих новыми производственными технологиями и ориентированных на использование возобновляемых ресурсов» признано на государственном уровне [Стратегия, 2016].

* *
*

Проведенный анализ подтверждает, что конструктивной альтернативы резкой интенсификации инвестиционного процесса в России нет. В ближайшем будущем требуется запустить ряд крупных национальных инфраструктурных проектов и проектов воссоздания на инновационной основе отечественных обрабатывающих производств. Для того, чтобы эти проекты не трансформировались в поддержку зарубежного производителя и дальнейшую интеграцию отечественной экономики в глобальную в рамках сырьевой специализации (как ранее), необходимо обеспечить системную защиту национального бизнеса в период его становления в качестве конкурентоспособного производителя мирового

уровня, как бы неприемлемо с точки зрения доминирующей в настоящее время в российской практике либерального рыночного подхода это не представлялось. Тогда усилия государства, выступающего гарантом масштабного долгосрочного спроса на продукцию отечественных компаний (в том числе в формате государственно-частного партнерства), и бизнеса, относительно эффективно использующего имеющиеся ресурсы, создадут продуктивную основу для реализации масштабных национальных инвестиционных программ – важнейшего фактора достижения долгосрочных целей социально-экономического развития России.

Источники информации

Алексеев А.В. Приоритеты государственной политики создания инновационной экономики в РФ / ИЭОПП СО РАН. – Новосибирск, 2015. – 423 с.

Алексеев А.В. Пора за флажки? Экономический рост, пусть с инфляцией, лучше, чем инфляция без роста // ЭКО. 2015. № 9. – С. 55–72.

Алексеев А. Государственная экономическая политика: от созерцания к управлению // Экономист. 2017. № 3. – С. 71–80.

Кудрин А., Горюнов Е., Трунин П. Стимулирующая денежно-кредитная политика: мифы и реальность // Вопросы экономики. 2017. № 5. – С. 5–28.

Рейнерт Э. Спонтанный хаос: экономика эпохи рецессии. – М.: Росспэн, 2017. – 189 с.

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642. – С. 7.

Федеральная служба государственной статистики. Комментарии к публикациям, 2019 г. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения 22.02.2019).

ЦБ РФ, 2019 г. http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs&ch=ITM_49537#CheckedItem. (дата обращения 27.02.2019).

ЦБ РФ, 2019 г. <https://www.cbr.ru/today/> (дата обращения 25.03.2019).

The Global Competitive дата обращения *ness Report 2004–2005*. http://www.ieseinsight.com/casos/Study_0035.pdf, P. XVII. (дата обращения 12.12.2017).

The Global Competitiveness Report 2017–2018. <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf> P. 249. (дата обращения 15.06.019).

The Global Competitiveness Report 2018. <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2018/P.484>. (дата обращения 10.06.2019).

The Federal Reserve System Purposes & Functions. FEDERAL RESERVE SYSTEM PUBLICATION. – pp. 1–2. 2016. <https://www.federalreserve.gov/aboutthefed/pf.htm> (дата обращения 20.08.19).

The World Bank. <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators#> (дата обращения 04.2019).